

*Дмитрий Александрович Мухин,
Старший научный сотрудник Архитектурно-этнографического музея
Вологодской области*

Дом сельского должностного лица:
на границе публичного и частного
(по материалам Вологодской губернии конца XIX – начала XX вв.)¹

В конце XIX - начале XX вв. в соответствии с законодательством Российской Империи (прежде всего, «Положением о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» 1861 года) сельскими обществами выбиралось большое количество должностных лиц. В среднем в юго-западных уездах губернии представители каждой семьи избирались на какую-либо должность раз в 3-4 года, в центральных уездах – раз в 5-8 лет.

Вписываясь в общую систему взаимоотношений в деревне, выбор приобретал некоторые специфические черты. В частности, базовой единицей общины являлась семья, поэтому и выбор на многие должности подразумевал службу не только человека, непосредственно вписанного в приговор схода, но и всей его семьи (в частности, выполнение обязанностей по информированию крестьян, препровождению преступников и т.д.).

Неотделимой принадлежностью семьи был дом, в котором семья проживала. Поэтому обязанности по службе возлагались и на дом служившего семейства.

Центр волости был постоянным, специально для реализации административных функций строилось здание волостного правления. В отличие от него, центр сельского общества мог перемещаться в зависимости от места проживания действующего сельского старосты (если сходы проходили в его доме) или сельского писаря, в том числе и без разрешения волостного правления². Так, например, при описании Тавреньги (Вельский уезд) А.А. Шустиков сообщал, что в Ширыхановское общество (не имевшее своего писаря из-за полного отсутствия грамотных) писаря для составления приговора сельского схода привозили из соседнего общества, но не в село Ширыханово, а в ту деревню, где жил староста³.

---

¹ Подготовлено для научно-практической конференции «Современные экспедиционные исследования народных традиций Вологодской области» (Вологда, 27-28 октября 2011 г.)

² Например, Великоустюгский центральный архив (далее – ВЦА). Ф. 287. Оп. 1. Д. 278. Л. 14об.

³ Шустиков А.А. Тавреньга, Вельского уезда (этнографический очерк) // Живая старина. 1895. Вып. 2. С. 195.

Центр общества мог быть и постоянным, например, в Дмитриевском, Одомцинском и Пустошинском обществах Авенгской волости Грязовецкого уезда «сельские сходы собираются [...] в деревне ([в] доме десятского), именем которой называется сельское общество»⁴. То есть выбор десятским в данных населенных пунктах автоматически подразумевал обязанность предоставлять помещение для реализации административных функций общества.

Если центром сельского общества был, как правило, дом старосты или общественная квартира, то центром конкретного селения становился дом местного десятского (а если в селении было несколько десятских, то «старшего десятского»), на который и возлагались административные функции. Дом десятского становился не только местом проведения селенных сходов, но и официальным помещением для работы и ночлега приезжавшего сельского и волостного начальства, а также земских начальников и чиновников по крестьянским делам. Для удобства приезжающего начальства в Никольском уезде, например, дом десятского маркировался деревянной табличкой с надписью «Полицейский десятский»⁵.

Статус дома десятского характеризовало то, что на пребывание и работу вышестоящего начальства разрешения (и даже присутствия) хозяина дома не требовалось. Например, в объяснении десятского д. Шельгино Бачерикова по акту Повинского сельского старосты Ивана Пустохина из Шонгско-Николаевской волости Никольского уезда сообщалось: «Возвращаясь из села Шонги к себе домой, застал у себя дома Повинского сельского старосту Пустохина и сборщика податей, которые пребывают для сбора денег и раскладки податей». Причем жена Бочарникова в момент возвращения мужа уже выполняла распоряжение прибывшего начальства о созыве определенных лиц в дом десятского⁶.

При этом десятский должен был не только принять начальство, но и обеспечить условия для его работы и проживания. То есть дом соответствующего должностного лица в случае возникновения такой потребности переходил из категории частного пространства семьи в категорию публичного пространства селения или сельского общества.

При выполнении административных функций менялся и статус внутреннего пространства дома. Корреспондент Тенишевского бюро Н. К. Кириллов приводил следующее описание сельского схода в Григорьевском обществе Сольвычегодского уезда:

---

⁴ Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 2. Грязовецкий и Кадниковский уезды. СПб., 2007. С. 171.

⁵ ВЦА. Ф. 274. Оп. 1. Д. 1684. Л. 5.

⁶ ВЦА. Ф. 274. Оп. 1. Д. 1684. Л. 1.

«Для выслушивания бумаг чиновника все, сидевшие в избе хозяина, курившие в сенях и стоявшие на улице, крестьяне, громким криком старосты: «Братцы, идите в избу», - собираются в общество. Более смелые и резонные расселись на скамьях за длинными столами, другие стоят среди полу, третьи забираются на полаты и печь. Изба трехсаженная набита так, что негде яблоку упасти»⁷.

Важно в этом описании то, что участники схода заполняли все пространство избы, в которой проводился сход. Однако такое поведение крестьян противоречило традиционным представлениям о жилом пространстве. В частности, печь была тесно связана с категорией «своего», что подтверждается поговоркой: «Кто на печи сидел, тот свой», а следовательно, человек, для данной конкретной семьи посторонний, по общему правилу не мог быть на печь допущен⁸. Существовали ограничения на пребывание мужчин в бабьем куту, который мыслился как женская территория в избе. Так же и лавки разделялись на «мужскую» и «женскую». Если бы дом во время проведения схода продолжал бы рассматриваться как приватное пространство проживавшей в нем семьи или как жилое пространство, то подобное поведение было бы недопустимым. Но на участников схода эти ограничения не распространялись. На время проведения схода все пространство избы унифицировалось.

Фактически, на период выполнения административных функций (проведения схода, приема вышестоящего начальства) изба переставала быть личным пространством семьи, а, следовательно, теряла характерные признаки жилого помещения.

Кроме официальных функций на дом должностного лица возлагались и неофициальные функции. Так именно там собирались крестьяне в праздники (например, масленицу⁹). Отношение крестьян к дому писаря корреспондент Тенишевского бюро из Уркинской волости Устьсысольского уезда А. Попов описывал так: «Квартира писаря по праздничным дням является как бы сборным местом для народа. После обедни в праздники, да и в будничные дни, крестьянин, ничем не смущаясь, вваливается на квартиру к писарю, иногда даже в пьяном виде [...]. И писарь, и его жена должны принимать всех, никому не отказывая»¹⁰. То есть, дом писаря воспринимался крестьянами, как публичное пространство сельского общества.

Таким образом, выбор на должности сельского старосты, полицейского десятского и некоторые другие предполагал не только последующую службу самого выбранного, но и его семьи, непосредственной принадлежностью которой являлся дом. Поэтому дома

---

⁷ Русские крестьяне... Ч. 3. Никольский и Сольвычегодский уезды. С. 552-553.

⁸ Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л. 1983. С. 163.

⁹ Русские крестьяне... Ч. 2. С. 180.

¹⁰ Русские крестьяне... Ч. 4. Тотемский, Устьсысольский, Устюгский и Яренгский уезды. С. 465.

данных должностных лиц в определенных ситуациях переходили из категории частного пространства семьи в категорию публичного пространства селения или сельского общества, при этом могли терять признаки жилого пространства, становясь административным центром селения или общества.